

МЕМУАРЫ

Ю.В. Манн

АЛИК КОГАН: ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПАМЯТИ¹

Текст из цикла автобиографических заметок содержит воспоминания автора о литературном критике А.Г. Когане (1921–2000).

Ключевые слова: воспоминания, Александр Григорьевич Коган.

Вначале – одна тривиальная истина: бывают литераторы, весьма популярные при жизни, но которых потом забывают. Причины разные, чаще всего та, которую можно определить как устное бытование человека и полное равнодушие (или неспособность) к письменному самовыражению. Таков Алик Коган.

Насколько я знаю, все его так и называли: имя и фамилию в одно слово: Аликкоган, – в университете, где как участник войны он был старше многих, и после университета, когда постарел, окончательно облысел (лысина была у него и в молодости), работал учителем, а потом редактором, выступал чуть ли не на каждом мероприятии Московского отделения писателей, словом, как сказали бы сейчас, вел активный образ жизни.

Собственно с одного своего выступления он и запечатлелся в моей памяти студента, только что зачисленного на филологический факультет МГУ. Нас, новопринятых, собрали в 66-й аудитории, что возле самой большой, Коммунистической, чтобы поприветствовать, поздравить и объяснить, что к чему. От деканата выступал профессор Чемоданов, от факультетского партбюро кто-то, кого я не запомнил, а от комсомольского Алик Коган. Он вначале с чувством объяснил, какая честь и какое счастье

учиться в Московском университете, который находится прямо против Кремля, потом поделился личными впечатлениями, а в заключение снова заговорил о чести и счастье, причем предварил эти слова фразой: «Я закончу тем, с чего я начал», создав некую кольцевую композицию своей речи. Вот эта нехитрая фраза произвела сильное впечатление на нас, совершенно невинных в отношении ораторского искусства.

Потом я два раза слушал Алика Когана на факультетских комсомольских собраниях и каждый раз поражался его красноречию – разумеется, не я один. Знаком я с ним не был, а вскоре Алик Коган, закончивший университет, вообще исчез из моего кругозора. Встретились и познакомились мы много лет спустя, уже в «оттепельную» пору – оказалось, что мы оба учительствовали в одном и том же районе, называвшемся тогда Щербаковским, только Алик Коган в дневной школе, а я – в вечерней.

И тут мне довелось еще раз наблюдать сильный эффект, произведенный его выступлением. Было это на проводившемся раз в году районном собрании учителей, когда на трибуну поднялась важного вида женщина и сказала примерно следующее:

– Я ответственный работник Министерства просвещения (тут она назвала свою должность), но я нарочно не объявила себя, потому что меня сразу же пригласили бы в президиум, а мне хотелось побыть среди вас, простого народа, среди учительской массы, чтобы узнать ваши подлинные нужды и чаяния.

Многие улыбнулись в ответ на такое проявление демократизма, но Алик Коган не мог на это не отреагировать. Поднявшись на трибуну, он буквально изничтожил скромную служительницу образования, а заодно досталось и стилю руководства РОНО (районного отдела народного образования) и Министерству просвещения, – время, как я уже сказал, было оттепельное, и люди жаждали критики и обличений. Весь зал, вся «учитель-

ская масса» была в восторге и проводила Алика Когана бурными аплодисментами.

Потом, на собрании московских писателей, Коган с таким же блеском разделал Людмилу Скорино, заместителя главного редактора «Знамени», известного критика ретроградного направления – и это было не единственное его выступление такого рода.

В это время мы уже подружились и часто бывали друг у друга, благо жили совсем рядом: я в Уланском переулке, а Коган – на Садовом кольце, недалеко от Красных ворот. Познакомился я и с его отцом, профессором Московской консерватории Григорием Коганом, в свое время известным пианистом и теоретиком исполнительного искусства, автором книги «У врат мастерства». Но насколько я мог заметить, ничего из его музыкальных интересов и способностей сыну не передалось, дарование Алика Когана всецело развивалось в другом направлении.

Говорил Алик Коган увлеченно, самозабвенно, без усталости. Порою мне казалось, что ему совершенно не нужен собеседник, нужен только слушатель, а если последний по техническим причинам оставался невидим, то и без него можно было обойтись. Не раз во время телефонного разговора, я откладывал в сторону трубку, чтобы передохнуть или сделать какие-нибудь дела. Возвращаюсь, беру трубку – Алик Коган продолжает говорить, совершенно не заметив моей отлучки.

Уже в очень зрелом возрасте Алик Коган поступил в аспирантуру писательского института, но, не закончив ее, перешел на работу редактора отдела литературоведения в издательстве «Художественная литература». Всегда был в курсе всех событий в современной литературе, не пропускал ни одной заметной новинки, читал все журналы. Дружил со многими писателями, особенно тесно с Ю. Домбровским и В. Кондратьевым.

Главной темой Когана естественно стала Великая Отечественная война. Но, предпочитая устное слово письменному, печатался он довольно

редко. Свои литературно-критические очерки Коган собрал в небольшой сборник «Перечитывая войну» (М.: Худ. лит., 1975) и подарил мне экземпляр с такой надписью: «Дорогому Юре – эту маленькую книжицу – максимум, на что меня хватило».

Как-то Алик Коган заметил с сожалением: вот если бы я меньше говорил, то и написал бы больше (намек на меня), а то проклятое красноречие буквально меня съело. Тут надо уточнить, что «красноречие» бывает разным. Для одних это черновик мысли, и поэтому они могут возвращаться к сказанному все снова и снова, уточняя и дополняя самих себя. Для Когана произнесенное слово заключало в себе некий элемент окончательности, и по мере произнесения он терял к нему интерес. Он и диссертацию не написал, наверное, потому, что уже до этого «все сказал», – зачем же еще заниматься скучным делом перенесения слов на бумагу?

«...Максимум, на что меня хватило...». И все же «хватило» Алика и на другую книгу, гораздо большего объема и в своем роде уникальную. Называется книга: «Строка, оборванная пулей» (М.: Московский рабочий, 1976), а подзаголовок гласит: «Московские писатели, павшие на фронтах Великой Отечественной войны. Стихи, рассказы, дневники, письма, очерки, статьи, воспоминания». Почти 700 страниц. 80 имен, среди которых и знаменитые (Александр Анфиногенов, Всеволод Багрицкий, Павел Коган, Аркадий Гайдар, Евгений Петров и др.), и менее известные, и совсем неизвестные, не успевшие напечатать ни одного произведения. И о каждом, помимо сохранившихся текстов – мемуарные свидетельства, библиография. Огромная, кропотливая работа (наряду с Коганом, в ней участвовала З. Корзинкина), пробуждающая признательность и чувство благодарности.

На подаренном мне экземпляре книги – надпись: «Дорогому Юре – эту книгу, в которой меня, пожалуй, больше, чем в моих собственных. Сердечно – Алик. 5 VII 77 г». И это действительно так.

Ибо, как я уже сказал, гораздо полнее выразился Алик Коган в своих выступлениях, но и тут, увы, выразился не в полной мере, многое осталось в нем не востребуемым.

Мне легко представить себе Когана в годы первых комсомольскихстроек, молодого энтузиазма (конечно, близорукого, не замечающего всего трагизма эпохи – но многие ли тогда это сознавали?), представить себе его в ряду таких, как Павел Коган, о котором, кстати, Алик, тоже ифлиец, любил вспоминать. Еще раньше, до Октября, он, возможно, был бы знаменитым судебным оратором-адвокатом... Пик красноречия «нашего», реального Когана пришелся на оттепельную пору, но долго ли она продержалась?.. Словом, как заметил еще Салтыков-Щедрин, российские условия гораздо более способствуют развитию балетного искусства, чем ораторского.

¹ Из цикла автобиографических набросков. Другие тексты см.: Вопросы литературы. 2001. Вып. 2; Там же. 2007. Вып. 5; Знамя. 2009. № 5, а также: *Мани Ю.В.* Тургенев и другие. М., 2008. С. 533–615.